

СВЯТОЧНЫЕ ПЕСНИ ПСКОВО-ПЕЧОРСКОГО ОБОЗЕРЬЯ И ВЕЛИКОРЕЧЬЯ

Л. А. Юрчук

Псковский государственный университет

Поступила в редакцию 12 августа 2024 г.

Аннотация: в статье на основе анализа материалов фольклорного архива Псковского государственного университета, записанных на территории Псково-Печорского Обозерья и Великоречья в ходе фольклорных экспедиций 1978–2014 гг., представлено место колядок и виноградий (одного из видов святочных обходных песен) в контексте святочной обрядности и выявлены устойчивые элементы их структуры. Выявлены отличия в структуре колядок и виноградий, проявляющиеся в составе сюжетных мотивов.

Ключевые слова: колядка, виноградьё, святочный обрядовый комплекс, обрядовый обход дворов.

Abstract: based on the analysis of materials from the folklore archive of Pskov State University, recorded on the territory of the Pskov-Pechora Obozerye and Velikorechye during the folklore expeditions of the 1978–2014, the article defines the place of carol songs and Vinogradyo (a type of christmas song) in the Christmas and New Year roundabout complex and identifies stable elements of their structure. Differences in the structure of carols and Vinogradyo have been identified, which are manifested in the composition of plot motifs.

Keywords: carol songs, Vinogradyo, caroling, ritual, folklore, tradition.

Даты основных земледельческих праздников у восточных славян приурочены к поворотным моментам движения земли вокруг солнца, сопряженным со сменой времен года. Выполнявшиеся в эти дни обрядовые действия, связанные с заботой земледельца о судьбе кормившего его поля, дают понимание мировоззрения крестьян, их мифологических представлений и верований. Зимний солнцеворот был отмечен Святками (время от кануна Рождества (24 декабря) до кануна Крещения (6 января)) — периодом, связанным с древним языческим обычаем встречи нового солнечного года. Комплекс приуроченных к Святкам обрядовых действий должен был способствовать возрождению солнца, оживлению плодоносящих сил природы и в конечном счете получению богатого урожая, хорошего приплода скота, крепкого здоровья и благополучия семьи. Большинство этих действий, в частности обрядовый обход дворов, восходят к глубокой древности и имеют ярко выраженный языческий характер. Как обход, так и обрядовые песни, составлявшие его неотъемлемую часть, имели магический смысл: укрепляя границу между «своим» и «чужим», участники обряда программировали будущее, формируя его облик в тех параметрах, которые мыслились в качестве желательных.

С принятием Русью христианства на архаическую основу Святков наложились новые представления, поскольку к святочному периоду церковью были приурочены евангельские события, связанные с Рождеством Иисуса Христа. Соответственно, произошло «удвоение» святочного обрядового ком-

плекса, который оказался дополнен обходом домов христославами, исполнявшими христианские гимны.

На Псковской земле дополнительной причиной структурно-семантического усложнения зимнего обходного комплекса и увеличения состава включенных в него песенных форм является особое географическое положение региона, южные районы которого находятся на пограничье России и Белоруссии, восточные — в сфере влияния новгородских и тверских традиций, западные — государств Балтии. Последнее особенно важно: согласно выводам Т. А. Бернштам и В. А. Лапина, именно в пограничных с нерусским населением зонах европейской части России (наряду с Псковщиной это Муромщина, Сумщина и Поволжье), также как и «в местах переселения русских, возникших, видимо, в результате самых ранних волн этого движения на Север, а затем в Сибирь и на Дальний Восток», получил распространение такой вид святочной народной поэзии, как виноградьё — поздравительные песни с припевом «виноградьё красно-зелёное», отмеченные устойчивостью системы поэтики и музыкально-песенной структуры (музыкально-песенная строфа, ритмическая форма, интонационно-ладовая характеристика) [1, с. 8, 100]. Этот вывод скорректировал концепцию В. И. Чичерова о том, что виноградьё являются исключительным достоянием Русского Севера [2].

Материалом данного исследования являются записи, сделанные с 1978 по 2014 гг. экспедициями Псковского государственного университета на территории современных Псковского, Печорского, Палкинского, Островского и Пыталовского районов Псковской области, составляющих в совокупности этнокультурную зону Псково-Печорского Обозерья

и Великоречья, отмеченную своеобразием народной художественной традиции [3, 225]: всего более 1 тыс. записей, содержащих информацию о святочной обрядности. Исполнение на Псковщине виноградий не отменяло бытования здесь традиционных колядок. Среди имеющихся записей 52 включают тексты виноградий, 34 — тексты колядных песен. Кроме того, материал содержит большое число песенных фрагментов, состоящих из 1–2 строк, отнести которые к одному из видов святочной народной поэзии бывает затруднительно.

Цель работы — определение места святочных песен (колядок и виноградий) в зимнем обходном комплексе Псково-Печорского Обозерья и Великоречья и сопоставление их структуры. Указанная территория выбрана не случайно: в то время как колядные песни фиксируются во всех районах Псковской области, виноградьи встречаются именно в данной местности, которая находится на западной границе региона, отделяющей его от государств Балтии.

Анализ распределения записей внутри данной этнокультурной зоны показывает, что периферийные с точки зрения бытования песенных форм территории (Островский и частично Псковский районы) демонстрируют незначительное преобладание колядок, тогда как в остальных районах (в особенности в Пыталовском и Печорском, непосредственно граничащих с Латвией и Эстонией) доминируют виноградьи. Близкий результат в Псковской области получен Фольклорно-этнографическим центром Санкт-Петербурга: наибольшее число записей виноградий участники его экспедиций 1978–1999 годов сделали в Печорском и Палкинском (пограничном с Латвией) районах [3, 232]. Отметим также, что в деревнях, в которых бытовали виноградьи, как правило, не исполнялись колядки (например, в деревнях Лавровской, Изборской вол. Печорского района, Качановской, Новоуситовской, Родовской вол. Палкинского района), и наоборот. Исключения редки: песни обоих видов записаны только в Гавровской и Жоговской вол. Пыталовского района и в Тямшанской вол. Псковского района.

В то же время забвение обрядовой практики, с одной стороны, и усилия священнослужителей по возрождению традиции рождественских обходов, с другой, в отдельных местностях приводят к утрате памяти об исполнении святочных песен, что соответствует общей тенденции постепенного их вытеснения христианскими гимнами, отмечавшейся у русских уже в XIX–XX вв. [2, 163–164]. Одновременно происходит некоторое размывание границ между колядованием и славлением. Так, не только христославы, но и колядовщики совершают обход со «звездой», которую могут называть «Колядой» («Делают специальную такую звезду красивую, называется «Калид́а»» (зап. в 2001 г. в г. Острове, инф. 1941 г.р.)); как те, так и другие могут рядиться и устраивать обрядовые бесчинства [4]; рождественские гимны

в целом ряде записей имеют «колядный» финал — требование подарка, угрозы скупым хозяевам и даже крайне редкую в псковских колядках заклиательную часть [5, 691]. В отношении обоих обходов используются универсальные или «перекрестные» термины: «коляда», «колядовать», «христославить коляду» и т.д. Они же применяются и в отношении обхода с пением «виноградий». Только два наши информанта из Печорского и Палкинского районов назвали песни с припевом «виноградьи красно-зелёное» *виноградьем*, правда, в одном из этих случаев это слово информант повторил вслед за собирающими: «Соб: Различались колядки и виноградьи? Инф.: Винагра́дьи бы́ла» (зап. в 1999 г. в д. Горино Палкинского р-на, инф. 1930 г.р.). Лишь в двух записях (и только в текстах песен) из Палкинского р-на фиксируется именование участников обхода *виноградщиками* наряду с традиционным *колядовщиками*:

Как по ётай па парóшке калядо́вщи́чки прашли́.
Винагра́ду кра́сна-зеле́нава!

Калядо́вше́чки, винагра́дше́чки!

(зап. в 1996 г. в д. Медниково Палкинского р-на, инф. 1931 г.р.)

Во всех остальных случаях как в воспоминаниях местных жителей об обрядовой практике, так и в текстах песен используются лексемы «коляда» или «колядка» вне зависимости от наличия или отсутствия в песне припева, а участники обряда именуются «колядовщиками». Ср.:

Колядовщики-то люди добрые.

Мы ходили, мы искали коляду святую.

Виноградьи красно-зелёное.

(зап. в 1985 г. в д. Гверздонь Псковского р-на, инф. 1917 г.р.)

Подобную же контаминацию отмечаем в записи 1983 г., сделанной в Палкинском районе экспедицией Ленинградской консерватории («Кылядовщики — винагра́дщики» [6, 42]), в тексте, записанном в 1873 г. в Псковском уезде П. Шейном («Колядовщики шли да винограднички» [7, 339]), в публикации 1912 г. псковского краеведа Э. Я. Заленского: «Повсеместно в деревнях Псковского уезда существует обычай вечером первого дня рождества ходить «кликать» коляду. Кликает коляду только женское население деревни — девки и бабы», — и далее приводится текст виноградьи [8, 181]). Диахронический срез позволяет предположить, что «смешение» терминов при доминировании «колядной» терминологии является не следствием трансформации обряда в данной местности, а устойчивым его признаком. Исследования показывают, что для этого имеются определенные основания.

Если В. И. Чичеров (1957) называл песни с припевом «виноградьи красно-зелёное» виноградьями, исходя из принципа деления святочного фольклора в зависимости от припева, то уже А. Н. Розов (1981) использовал этот термин только в отношении север-

но-русского вида обходных песен, тогда как псковские песни называл «смешанными» («колядки с припевом «виноградие красно-зелёное»»), мотивируя это их сюжетным сходством с колядками и упоминанием в них Коляды [9, 55]. Т. А. Бернштам и В. А. Лапин (1981) в отношении псковских песен предложили термин «коляда-виноградье»: по их мнению, финальная часть псковского винограда представляет собой колядку, присоединившуюся к винограду вследствие эволюционных процессов [1, с. 21, 24]. Кроме того, именно колядный сюжет является единственным сюжетом псковских виноградий в отличие от песен этого вида, записанных на других территориях. В соответствии с этим, на Псковщине имел место только обобщенный тип святочных песен: как колядки, так и винограды исполнялись не для определенных групп (семейные, неженатая молодежь и т.д.), а для всей семьи.

Как колядовщики, так и виноградчики могли совершать обход дворов в любой день Святок, но преимущественно в сочельник либо рождественским вечером. При этом святочные песни следовали за рождественскими гимнами («Перва христаславили мы, а Каляда ужé — ésta сзáди» (зап. в 2005 г. в пос. Палкино, инф. 1938 г.р.); «Прийдёшь домой в 3–4 часа ночи» (зап. в 1996 г. в д. Старый Изборск Печорского р-на, инф. 1930 г.р.)). Это соотносится с замечанием краеведа Э. Я. Заленского, который, цитируя текст винограда, писал, что в деревнях Псковского уезда коляду «кликают» вечером первого дня Рождества [8, 181].

Вопреки наблюдению Э. Я. Заленского о том, что «кликают коляду только женское население деревни — девки и бабы» [8, 181], и выводу Т. А. Бернштам и В. А. Лапина об исполнении виноградий группами молодежи «в святочный период — один из узловых моментов предбрачной обрядности» [1, 11], наш материал показывает, что примерно равное число групп колядующих формировалось из молодежи обоих полов и из подростков. Наш материал не подтверждает также и вывод Т. А. Бернштам и В. А. Лапина о том, что на Псковщине смешанные группы парней и девушек пели перед домом, а женские и девичьи — в доме [1, 17]. После исполнения песни хозяева могли пригласить в дом для наделения группу любого состава. Дифференциация по признаку «под окном — в доме» происходила не в рамках оппозиции «смешанная — женская» группа, а по линии противопоставления колядовщиков христославом: последние обыкновенно исполняли рождественские гимны в доме под иконой.

Святочные песни являлись одним из видов аграрно-магической поэзии («А с колядой ходили — ну это уже старинный такой, ну это тоже своего рода пожелать хорошего урожая на будущий год» (зап. в 2002 г. в д. Шелино Пыталовского р-на, инф. 1934 г.р.)). Этим представлением обусловлен обычай наделения колядующих. В отличие от христославов, которых обычно наделяли мелкими деньгами, колядовщики получали

изделия из теста либо зерно: ««Рождество» пропойёшь и... Там хозяин сколько там тебе денег вынесет... [...] А в первый день Рождества бегали коляду кликать. Бегают, поют: «Ходили, гуляли колядовщики», то там пирога давали» (зап. в 2000 г. в д. Волково Псковского р-на, инф. 1930 г.р.). После обхода собранные продукты делили или устраивали общее застолье.

Большой интерес представляет содержание исполнявшихся в процессе обхода колядных песен и виноградий, структура которых на общеславянском материале детально описана исследователями [2; 9; 1; 10]. В соответствии с этой схемой, святочная песня состоит из зачина, величания и концовки; в состав виноградий кроме того входит припев.

Исполнению святочной песни на Псковщине в отдельных случаях предшествовала просьба, обращенная к хозяевам дома: «Можно ли коляду пропеть?». В этом случае песня исполнялась только после получения положительного ответа. Зачин имел ритуальный характер: он сообщал о действиях и намерениях колядующих. Универсальными его формулами являются слова «Пришла Коляда накануне Рождества», а также сообщение о поисках богатого двора. При этом для зачина псковских колядок, в отличие от виноградий, характерна некоторая индивидуализация текста, проявляющаяся в именовании хозяина, перед домом которого колядующие остановились:

Пришла Коляда накануне Рождества.

Сочили Коляду по пещурочкам.

Сочили Коляду по закоулочкам.

Как нашли Коляду во Прасковьем дворе.

(зап. в 1988 г. в д. Медли Печорского р-на, инф. 1903 г.р.)

Колядка может начинаться и иначе — с выкрика «Коляда! Коляда!», сопряженного с призывом «отворять ворота» либо переходящего в припев. В свою очередь исключительно в зачинах виноградий встречается мотив «выпала порошка»:

Выпала парóшка снегу бéлава.

Винагра́дья красна-зялёна.

А па éstaй па парóшки кылядóвшшы́чки шли,

Кылядóвшшы́чки — люди дóбрые.

(зап. в 2000 г. в д. Верхний Крупск Печорского р-на, инф. 1911 г.р.)

Что касается величальной части песни, то само по себе ее наличие обусловлено магическим характером текста: создавая «для хозяина ту идеальную обстановку, о которой поется» [11, 58], колядующие программируют будущее в желаемом направлении, обеспечивая достаток и здоровье семьи в предстоящем календарном году, — и затем получают вознаграждение как часть богатств хозяина («дар за дар»). В то время как в составе псковских коляд величальная часть не представлена, винограды разрабатывает в ней целый ряд «общих мест» — сюжетных ситуаций и формул, общих для славянских народов, хотя и представленных у них с разной степенью полноты.

В центре внимания величания — хозяева дома и те объекты хозяйства, которые свидетельствуют о благополучии семьи. В виноградыях Псково-Печорского Обозерья и Великоречья величание начинается с восхваления хозяйского двора. Наиболее часто встречается следующая формула:

Гаспадінав двор далёкó в полé стáйт.
Винагра́ду красна-зелёнава!
Далёкó в полé стáйт во семí верста́х.
Винагра́ду красна-зелёнава!
Во семí верста́х, на залата́х сталба́х.
Винагра́ду красна-зелёнава!

(зап. в 1996 г. в д. Медниково Палкинского р-на, инф. 1931 г.р.).

В вариантах она может быть дополнена сообщениями о том, что «возле этого двора да всё шелковая трава», «да всё серебряны тыны», что дом стоит «на желтых песках», вокруг него — «лазоревы цветы», «железный тын», «на каждой тынинке по жемчужинке». Данные мотивы в тексте величания связаны с магией и элементами древних культов [2, 123–124; 12, 52].

В публикациях псковских виноградий И. Д. Фридриха и Н. Л. Котиковой величание дома-двора завершает мотив триады небесных светил: солнце, месяц и звезды по мере развития песенного сюжета оказываются метафорическим указанием на домочадцев. Содержание этого мотива — «благопожелание семье, освященной и защищенной персонификацией с могущественными силами природы» [1, 58]:

Посерёд двора три терема стоят.
Во первом терему́ — светел месяц.
В другом терему́ — часты звездочки.
Светел месяц — сам хозяин во дому,
Красно солнышко — его мбóла жена,
Часты звёздочки — малы детушки [13, 25].

Наличие мотива триады небесных светил обеспечивает логический переход от величания дома-двора к величанию хозяев, из которых особое внимание — главе семьи. В развернутом варианте псковское виноградые сообщает об отсутствии хозяина, который уехал в Москву (в Новгород) «суды судить» (либо на охоту / за покупками) и везет семье богатые дары:

Как уехал наш хозяин в каменну Москву.
Как приехал наш хозяин с каменной Москвы.
Привез-то наш хозяин по подарочку.
Своим девушкам по серёженькам.
Сынкам-соколам коня доброго,
Коня доброго вездеходного.
Свет-женушке — шубку беличью.

(зап. в 1986 г. в д. Шаврово Псковского р-на)

Благодаря наличию развернутого величания псковское виноградые обладает большей семантической связностью частей текста, нежели колядка, в которой ритуальная часть сменяется требованием подарка и аграрной угрозой. В частности, именно завершающее величание сообщение о богатых дарах,

которые хозяин везет домочадцам, позволяет исполнителям виноградыя перейти к финальному требованию об их наделении в благодарность за песню. В этой части псковское виноградые полностью смыкается с колядкой, в которой так же детально в императивной форме перечисляются возможные дары:

Не сто́й в переду́,
Надяляй Коляду́.
Или с пёчки пиро́гом,
Или с засе́ка решато́м,
Или с карма́на пита́ком.

(зап. в 1996 г. в г. Острове Псковской обл., инф. 1932 г.р.),

Не забудьте подарить колядовщикам.
Виноградыя, красно-зялёная.
Или с печи пиро́гом или с клети решето́м.
Виноградыя, красно-зялёная.

(зап. в 1997 г. в д. Лавры Печорского р-на, инф. 1930 г.р.)

По мнению Т. А. Бернштам и В. А. Лапина, сходство финальных частей святочных песен — результат присоединения к виноградыю колядки в процессе развития обходного обряда [1, с. 21, 24].

Типичные для святочных песен угрозы скупым хозяевам в псковских записях встречаются нечасто и являются достаточно однотипными:

А ня да́шь пиро́га –
Мы каро́ву за рага́.

(зап. в 1997 г. в д. Городище Печорского р-на, инф. 1914 г.р.)

Ня да́шь пира́га — падапрём ворта́.

(зап. в д. Кононово Палкинского р-на, инф. 1935 г.р.)

По словам В. И. Чичерова, подобные угрозы — «отзвук того, что колядующие приходят не скромными просителями-нищими, а коллективом людей, совершающих магический обряд» [2, 126].

Угроза причинить вред хозяйству нередко получила реальное воплощение в обрядовом бесчинстве: как известно, колядующие могли подпереть дверь дома, заложить трубу, раскидать поленицу дров, что, впрочем, не всегда было связано с объемом полученных ими даров.

Обращает на себя внимание почти полное отсутствие как в колядках, так и в виноградыях, записанных экспедициями ПсковГУ на территории Псково-Печорского Обозерья и Великоречья, заклинательной части, традиционно содержащей благопожелания. Единственный пример такого рода — колядка, записанная в д. Подосье Псковского р-на:

Подай тебе Бог <...>
Полон двор животов, в конюшню конёв,
В избушку ребят, а под печку телят.

(зап. в 1996 г. от инф. 1928 г.р.)

Согласно выводам Л. Н. Виноградовой, известный славянам мотив «приплод скота», входящий в состав благопожелательных формул, не типичен

для русских коляд, но встречается в песнях из областей, близких к Белоруссии [10, 92]. Что же касается практически полного отсутствия благопожеланий в псковских святочных песнях в целом, то, по мысли В. И. Чичерова, в подобных случаях его заменяет изображение богатства и обилия в величальной части [2, 126]. Поскольку же в публикациях 1960–1970-х гг. благопожелания представлены [13, 26; 14, 108], надо полагать, что в более поздних записях фольклорного архива ПсковГУ мы имеем дело с редукцией сюжета.

Традиционный финал псковских коляд и виноградий — благодарственная формула, которая содержательно примыкает к песне, но произносится речитативом уже за ее рамками: «Хазяин, хазяюшка, с прázдничком!» (Островский р-н), «Благодарим хозяйина и хозяйюшку с малым детушкам» (Печорский р-н).

Подводя итог, отметим, что одним из важнейших компонентов святочного обходного обряда на территории Псково-Печорского Обозерья и Великоречья было исполнение святочной песни, которая являлась одним из видов аграрно-магической поэзии. Святочная песня исполнялась преимущественно в рождественский сочельник или вечером первого дня Рождества группой молодежи или подростками под окнами домов. На Псковщине фиксируются два вида святочных песен — колядки и виноградьи, при этом в рассказе об их исполнении информантами используется «колядная» терминология, что отчасти обусловлено содержательным сходством псковских коляд и виноградий, которое объясняется эволюционными процессами.

Сопоставление структуры двух видов псковских святочных песен выявило некоторые отличия между ними. Так, открывающая песню ритуальная часть коляд и виноградий, обладая определенным сходством, включает отличающийся набор мотивов («пришла Коляда», выкрик «Коляда! Коляда!» / «выпала порошка»). В отличие от виноградьи, колядка в отдельных случаях допускает индивидуализацию текста, проявляющуюся в именовании хозяина дома. Виноградьи более сюжетно развернуто за счет разработанной величальной части, включающей восхваление дома-двора и хозяев, которое формируется совокупностью традиционных в славянском мире мотивов. В псковской колядке величание отсутствует. Более всего сходны финальные части коляд и виноградий, включающие требование подарка и аграрную угрозу. Сходство проявляется также в отсутствии заклинательной части текста, обусловленном сюжетной редукцией, которая обусловлена забвением традиционных обрядовых практик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернштам Т. А. Виноградьи — песни и обряд / Т. А. Бернштам, В. А. Лапин // Русский Север: проблемы этнографии и фольклора: [сборник]. — Л.: Наука, 1981. — С. 3–109.
2. Чичеров В. И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX веков (Очерки по истории народных верований) / В. И. Чичеров. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — 234 с.
3. Народная традиционная культура Псковской области: Обзор материалов Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра: В 2 т. Т. 1. — Псков: Издательство Областного центра народного творчества, 2002. — 686 с.
4. Юрчук Л. А. Обходы «со звездой» в контексте святочной обрядности Псково-Печорского Обозерья и Великоречья / Л. А. Юрчук // Ученые записки Новгородского государственного университета. — 2023. — № 4(49). — С. 382–386.
5. Юрчук Л. А. Колядные песни в контексте святочной обрядности Псково-Печорского Обозерья и Великоречья / Л. А. Юрчук // Ученые записки Новгородского государственного университета. — 2023. — № 6 (51). — С. 685–693.
6. Песни Псковской земли. Вып. 1. Календар.-обрядовые песни: (По материалам фольклор. экспедиций Ленингр. консерватории) / Сост. А. Мехнецов. — Л.: Сов. Композитор, 1989. — 149 с.
7. Шейн П. В. Великорусе в своих песнях, обрядах, обычаях. Т. I. Вып. 1 / П. В. Шейн. — СПб.: Тип. Императорской АН, 1898. — 393 с.
8. Заленский Э. Я. Что поет современная деревня Псковского уезда / Э. Я. Заленский. — Псков, 1912. — 184 с.
9. Розов А. В. К сравнительному изучению поэтики календарных песен / А. В. Розов // Русский фольклор. Т. 21. — Л.: Наука, 1981. — С. 47–69.
10. Виноградова Л. Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования / Л. Н. Виноградова. — М.: Наука, 1982. — 258 с.
11. Потебня А. А. Объяснения малорусских и сродных народных песен. Т. 2: Колядки и щедровки / А. А. Потебня. — Варшава: Тип. М. Земкевича, 1887. — 809 с.
12. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники / В. Я. Пропп. — СПб.: Азбука, 1995. — 176 с.
13. Фридрих И. Д. Русский фольклор в Латвии: Песни, обряды и детский фольклор / И. Д. Фридрих. — Рига: Лиесма, 1972. — 484 с.
14. Котикова Н. Л. Народные песни Псковской области / Н. Л. Котикова. — М.: Музыка, 1966. — 371 с.

Псковский государственный университет

Юрчук Л. А., профессор кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного, доктор филологических наук, доцент

E-mail: lk2185@rambler.ru

Pskov State University

Yurchuk L. A., Professor of the Philology, Communication and Russian as a Foreign Language Department, Doctor of Philology, Associate Professor

E-mail: lk2185@rambler.ru